

ОБАЯНИЕ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

Есть режиссеры, которые узнаются сразу и безошибочно. Это темпераментные, сильные художники, в любом спектакле они прежде всего стремятся к самовыражению. Оно безусловно увлекательно, это самовыражение богатой и мощной творческой личности, оно рождает порой сценические образы совершенно незаурядные.

Но бывает, такой постановщик не может ужиться с автором, попросту не признает последнего равным себе. Он старается подмять пьесу, подогнать ее под свой замысел. Индивидуальность драматурга, если она слабая, полностью растворяется в индивидуальности режиссера. В противном случае начинается борьба. И зритель становится свидетелем не гармоничного сценического зрелища, а вот этой самой, временами очень острой борьбы. Вспоминаются «Половчанские сады» Леонида Леонова в постановке Николая Охлопкова. Не было победителя в этом поединке сильных. И победы, по-моему, не было тоже...

Режиссерской индивидуальности Георгия Товстоногова чуждо громогласное требование немедленного внимания к себе и только к себе. И вот собираются под гостеприимной крышей Ленинградского Большого драматического театра имени Горького Арбузов и Штейн, Володин и Симонов, Корнейчук и Шток, Коростылев и Дворецкий. Абсолютно непохожие, чтобы не сказать взаимоисключающие писатели. Все лучшее, что дает сегодняшняя драматургия, концентрируется здесь. И не только потому, что Большой драматический — сильнейший, быть может, театральный коллектив страны, хотя это, разумеется, очень и очень важно. Идя в этот театр, драматург уверен, что к его произведению будет проявлено глубочайшее, трепетное уважение.

Товстоногов, мне думается, никогда не возьмет пьесу, если поймет, что ее надо «преодолевать». Но уж коль скоро этот режиссер принимает к постановке «Океан» А. Штейна, «Четвертого» К. Симонова, «Мою старшую сестру» А. Володина, то будьте покойны — он поставит именно Штейна, Володина, Симонова, никто из них не станет поводом для театральных вариаций на темы крупного и своеобразного художника Георгия Товстоногова...

Спектакли, показанные во время недавно закончившихся московских гастролей, очень разные.

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ»

6 стр.

25 марта 1962 г.

Александр Володин демонстративно пренебрегает какими бы то ни было внешними эффектами и формальными изысками, «Моя старшая сестра» традиционна по форме. Современность ее спрятана глубоко внутри. Атмосфера, дух пьесы, то самое «чуть-чуть», что прочерчивает неуловимую, но безапелляционную границу между ремеслом и искусством, — вот сфера действия неброской и скромной современности «Моей старшей сестры».

Меняются люди, сейчас быстрее, чем когда бы то ни было, они становятся мудрее, интеллектуальнее, духовно щедрее. И эти глубинные изменения непременно находят для себя внешние соответствия: люди просто в быту, за самыми будничными занятиями ведут себя не так, как, скажем, двадцать лет назад, они иначе держатся, говорят, иначе общаются друг с другом. Все тоньше, многомернее. Разнообразнее становятся оттенки и нюансы любых человеческих проявлений. Это и выразил, мне кажется, Володин в своей последней пьесе.

Спектакль Товстоногова — он внешне несколько не новаторский, он поставлен на надежный фундамент добротного, прочного быта. А в режиссуре, в актерских работах — прорывы в новую, современную психологическую достоверность театра, когда незначительный жест, едва уловимое изменение выражения лица, которые раньше, быть может, вовсе остались бы незамеченными, теперь значат неизмеримо много. Современные актеры, как и современные ученые, открывают миры бесконечно малых величин. И актеры Товстоногова в этих поисках — в числе первых.

«Моя старшая сестра» рассказывает о том, что талант непременно найдет себя, выйдет на свою дорогу, как бы сложно ни складывалась его жизнь, какие бы препятствия ни вставали на пути. Если в этой пьесе тема решается камерно, заземленно, то «Океан» подчеркнуто масштабен и внутренне, и внешне.

В спектакле начисто отсутствуют попытки создания возможно более полной иллюзии океанских волн, океана как такового вообще нет. Но сценическое пространство решено так, что у вас немедленно и сразу рождается ощущение мощной, захватывающей дух безбрежности.

А люди — люди в этом спектакле живут в полную силу души, словно на огромном разбеге, каждый из них доведен почти до точки кипения. И это при внешней сдержанности, собранности, эмоциональной скупости, которые, как известно, вообще характерны

для военных. Но есть в спектакле герои, противостоящие этим, — те, кто замедлил ход и отчаялся понасть в ногу со временем. Кто, уйдя в себя, растерял себя, разменял, растратил. Контраст между первыми и вторыми резок, разителен, но контраст именно внутренний — внешне они мало чем отличаются друг от друга.

И рядом — подчеркнуто условное решение публицистической драмы «Четвертый». Графическая точность, четкость, почти математическая выверенность всех извилин, ходов и переходов сложной, запутанной психологии героя. Все же, на мой взгляд, здесь Товстоногов не попал в яблочко, выстрел лег где-то в районе девятки. Занявшись тщательными психологическими исследованиями, режиссер затянул ритм спектакля, которому явно не хватает стремительной яростности. А она, по-моему, необходима пьесе, по ходу которой человек в страшном нервном напряжении в течение получаса переосмысливает и круто меняет всю свою жизнь.

Возможно, я не прав. Но так или иначе нельзя не видеть, с какой последовательностью, полнотой, с каким безупречным мастерством режиссер отстаивает в спектакле свое понимание Симонова.

А актерские работы в «Четвертом»? Горькая мудрость разбитного итальянца Гвичарди; страстный и одновременно какой-то интимный, беспомощный протест Бонара против мерзостей жизни, протест человека, докатившегося до дна; механическая галантность и свинцово-жестокое равнодушие денежного воротила Чарльза Говарда... Эти роли, властно и надолго вошедшие в память, играют молодые актеры С. Юрский, П. Луспекаев, К. Лавров.

Играют поразительно. Но когда тех же С. Юрского и К. Лаврова вы видите в «Океане», то понимаете, что работа над «Четвертым» — это только какая-то одна грань их богатейших внутренних возможностей. Они достойные партнеры такого признанного, увенчанного лаврами мастера, как В. Полицеймако (в «Океане» он с изыщным, свободным блеском играет Зуба). А ведь это — актер-глыбича, и сейчас он словно бы переживает вторую свою молодость.

«Моя старшая сестра»... Чьи художественные открытия значительней — опытного, маститого Е. Лебедева или молодой, редкостно самобытной актрисы Т. Дорониной? Трудно сказать...

На удивление разные спектакли Георгия Товстоногова лгутся обаянием большого искусства.

К. ЩЕРБАКОВ.